

ПОЛИТОЛОГИЯ

УДК 322

DOI: 10.17223/1998863X/59/18

Е.Г. Аванесова

СПОРЫ О ДОЛЖНОЙ МОДЕЛИ ВСЕЛЕНСКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ КАК ОТРАЖЕНИЕ ПРОБЛЕМЫ ВЕРХОВНОЙ ВЛАСТИ В МИРОВОМ ПРАВОСЛАВИИ

Статья посвящена исследованию проблемы верховной власти во Вселенской Православной Церкви (ВПЦ). Актуальность работы обусловлена тем, что в последнее время разногласия между автокефальными церквями усилились и приобрели конфликтный характер, что напрямую связано с наличием альтернативных моделей устройства ВПЦ. Указанные разногласия перестали быть только внутренним делом Церкви, они носят политический характер и оказывают значительное влияние на сферу межгосударственных взаимодействий.

Ключевые слова: религия и политика, верховная власть, Константинопольский патриархат, Московский патриархат, автокефалия, модели устройства и функционирования ВПЦ.

Одной из причин недавних громких событий, произошедших в церковной жизни Украины и приведших к конфликту между верующими, принадлежащими к разным церковным структурам, стало вручение Константинопольским патриархом Варфоломеем томаса об автокефалии ПЦУ. Решение Константинополя, принятое им единолично и в ситуации отсутствия консенсуса с частью других поместных церквей, вызвало неоднозначную реакцию в православном мире и актуализировало теоретические дискуссии о природе автокефалии и верховной власти во Вселенской Православной Церкви. Следует признать, что данная дискуссия не нова, она регулярно возобновляется на протяжении всего времени существования восточной ветви христианства и напрямую связана, на наш взгляд, с моделью устройства ВПЦ.

В отличие от католической церкви, которая строго централизована и имеет главу в лице Римского Первосвященника, ВПЦ децентрализована и состоит из автокефальных поместных церквей, точное количество которых – предмет спора, так как есть церкви, которые признаны только частью автокефалий. Каждая поместная церковь устроена по типу суверенного государства, она самостоятельна и самоуправляема, но в то же время является частью Вселенской Церкви. При этом «единый административный центр на вселенском уровне» [1] отсутствует. Предполагается, что за неимением такого управленческого центра целостность ВПЦ должна строиться на основе единства догматической и литургической практики. Но это в идеале, в то время как история показывает, что идеал практически никогда не был достижим, а в последнее время Вселенская Церковь как никогда далека от его достижения. И немалую роль здесь сыграли «украинские события», явившие

пример сложного пересечения религии и политики и приведшие к обострению разногласий между поместными церквями.

Выход из создавшегося положения видится внутри ВПЦ по-разному: либо посредством добровольного консенсуса поместных церквей (и это долгий и тяжелый путь, который, между тем, основан на идее равнозначности автокефалий), либо путем закрепления общепризнанного в православном мире управленческого центра, деятельность которого будет направлена на принуждение к единству (и это есть путь, направленный на разрушение принципа равнозначности автокефалий за счет наделения особыми полномочиями одной поместной церкви). Стоит отметить, что вышеупомянутый Константинопольский патриархат (КП), глава которого носит титул Вселенского Патриарха (и формально может претендовать на титул главы Вселенской Церкви), в последнее время ведет активную деятельность по закреплению за собой статуса «особой церкви» в православном мире, поскольку для этого есть, по мнению константинопольских первоиерархов, исторические и правовые предпосылки.

Возвышение Константинополя началось в IV в., когда город получил статус столичного, а Константинопольская кафедра решением IV (Халкидонского) Вселенского Собора обрела «первенство чести» наряду с кафедрой Римской. Знаменитое Правило 28 Халкидонского Собора [2] гласит, что получение кафедрой такой «чести» напрямую связано со столичным статусом города и имеет, таким образом, политическую подоплеку. Однако следует подчеркнуть, что этим же правилом были установлены границы территории, на которые распространялась юрисдикция Константинопольского патриархата.

Данный статус Константинопольского патриархата всегда вызывал споры внутри Вселенской Православной Церкви, поскольку дискуссионным остается вопрос интерпретации декларируемого «первенства чести»: означает ли этот статус юридическое первенство (первенство власти) или только первенство моральное. Важность решения герменевтической проблемы обусловлена тем, что тот или иной ответ на данный вопрос влечет за собой диаметрально противоположные ответы на многие другие важнейшие вопросы, касающиеся как внутреннего устройства ВПЦ и выстраивания коммуникации между автокефалиями и православными диаспорами мира, так и сферы взаимодействия поместных церквей со светскими властями государств, на территории которых они осуществляют свою деятельность.

На сегодняшний день наличествуют две точки зрения по вопросу должного устройства Вселенской Православной Церкви. Одна модель закреплена в «Окружном Патриаршем и Синодальном послании» Константинопольской Церкви 1895 г. [3]. Она кратко может быть описана следующим образом: каждая автокефальная церковь независима и самоуправяема, епископы «свободны в границах своей области, подчиняясь только соборным постановлениям» [3], наивысшей властью наделен Вселенский Собор. Другими словами, основанием данной модели, которая может быть названа моделью «суверенной автокефалии» [4. С. 216], является представление о равноправности всех автокефальных поместных церквей. Вторая модель «считывается» в высказываниях константинопольских патриархов. Так, на Всеправославном Собрании, состоявшемся в 2008 г., Вселенский Патриарх озвучил идеи, которые были восприняты частью верующих как попытка «навязывания» новой

модели устройства Православной Церкви [3]. В частности, Варфоломей подчеркнул координирующую роль Константинопольской кафедры, которая досталась ей после схизмы 1054 г., и роль гаранта единства Православной Церкви, тем самым озвучив претензии Константинополя на главенство во всеправославном масштабе [5]. Он говорит о том, что Константинопольская кафедра на протяжении веков оставалась «первой кафедрой», которая имеет особые полномочия по сравнению с другими автокефалиями. По сути дела, Вселенский Патриарх в своем выступлении легитимизирует такую модель устройства Церкви, которая может быть названа моделью «автокефалий с ограниченным суверенитетом» [4. С. 215]. Хотя в данном случае «ограниченный суверенитет» может быть понят и как отсутствие такового, поскольку наличие дополнительных полномочий Вселенского Патриарха по отношению к предстоятелям других поместных церквей «делает его единственным сувереном в Православной церкви» [6. С. 247].

Варфоломей ставит под сомнение значимость наличной модели устройства ВПЦ в современном мире. Автокефалия поместных церквей сыграла, по его мнению, свою историческую роль, но в настоящее время она не только не способствует единству Православной церкви, но разрушает его, делая единую Церковь «некой конфедерацией или федерацией Церквей» [5]. Вселенский Патриарх не отвергает идею автокефалии как таковую, но говорит об изменении природы автокефалии «под воздействием светского влияния» [Там же]. Он с сожалением констатирует, что в настоящее время основой автокефалии становится светское государство, а дух этнофилетизма и этатизма, который проник в систему автокефалии, превращает поместные церкви в национальные, для которых национальные интересы становятся выше церковного единства [Там же]. Невозможно не отметить, что такое понятное сожаление Вселенского Патриарха никак не соотносится с его практикой, поскольку Варфоломей в последнее время очень активно поддерживает движения, направленные на создание автокефалий, основанных на идее: суверенное государство – суверенная церковь. Не случайно Константинопольского патриарха все чаще обвиняют во вторжении на каноническую территорию других поместных церквей, поддержке раскольников и попытке узурпации власти.

Вселенский Патриарх не только критикует наличную модель устройства ВПЦ, но и ведет активную работу, направленную на ее «оптимизацию», во многом продолжая инновационную деятельность, которую начали его предшественники еще в начале «20-х гг. XX века после распада Османской империи» [4. С. 212]. В это время, как пишет А. Шишков, константинопольские патриархи инициируют процессы, направленные на расширение властной юрисдикции Константинопольского патриархата [Там же. С. 213] и генерируют обосновывающие их идеи. Апологеты альтернативной модели ВПЦ наделяют Константинопольский патриархат новыми функциями, которые разрушают давно устоявшуюся модель взаимодействия между автокефалиями. К таким можно отнести следующие: коммуникативная функция (общение с КП есть условие полноты общения со всей ВПЦ), судебная функция (КП есть инстанция, принимающая апелляции во «всеправославном масштабе» и выносящая по ним решения), управленческая функция (КП есть инстанция, имеющая право созывать всеправославный собор, провозглашать

автокефалию), функция гаранта единства православия [4. С. 211–215]. Новаторская деятельность константинопольских патриархов строится на основе идеологии, получившей наименование восточного папизма. В основе данной идеологии лежит представление о том, что автономность автокефальных церквей разрушает единство ВПЦ. Устами своих иерархов КП заявляет о том, что если Церковь – это тело, то для нормального функционирования у него должна быть голова. И вопреки устоявшемуся в Восточной церкви представлению о том, что главой Церкви является Христос, Константинополь заявляет о необходимости земного главы, каковым может являться только Вселенский Патриарх [7].

Одним из ярких примеров «инновационной» деятельности КП является Украина, где Константинополь поддержал создание «местной», по сути дела государственной, церкви, выведя часть приходов РПЦ из-под ее юрисдикции. Сделано это было в ситуации конфликта с Русской Православной церковью, которая считает, и не без основания, украинские приходы своей канонической территорией. Согласно Синодальному решению Константинопольского патриархата от июня 1686 г., Киевская митрополия была передана под юрисдикцию Московского патриархата. Грамота константинопольского патриарха Дионисия и синода гласит: *«повелеваем, да святейшая епархия Киевская будет подлежащая святейшему патриаршескому престолу великого и богоспасаемого града Москвы»* [8. С. 102]. Казалось бы, данный исторический документ не оставляет никаких сомнений по поводу легальности вхождения Киевской митрополии в состав РПЦ. Между тем Константинополь заявил о том, что передачи приходов никогда не было и «территория Украины никогда не была канонической территорией любой другой Поместной Православной Церкви, кроме Вселенского Патриархата» [9].

Следует признать, что подлинность передачи украинских приходов подверглась сомнению не только Константинополем, но и ученым сообществом. Как пишет В.Г. Ченцова, современные комментаторы вышеизложенного текста Грамоты полагают, что в нем есть фраза, которая заставляет усомниться в реальности передачи Константинополем Киевской митрополии Московскому патриархату: *«...доспоминает впервых пречестное имя вселенского патриарха, яко суицу источнику и началу и предвосходящу всех, иже повсюду при селении и епархии, потом патриарха Московского, якоже старейшаго своего...»* [8. С. 96]. Текст предписывает киевским приходам во время богослужения первым поминать Константинопольского патриарха, а уже затем патриарха Московского, что может быть расценено как признак сохранения Константинополем своей власти над Киевской митрополией, которая де-факто является его канонической территорией [Там же. С. 97].

Впрочем, Константинополь не мог не понимать, что содержание исторического документа является как минимум спорным и дискуссионным, поэтому пошел на беспрецедентный шаг, а именно – отменил «юридическое обязательство Синодального письма 1686 года» [10]. Представляется, что данный шаг продемонстрировал слабость позиции Константинопольского патриархата. Зачем отменять Грамоту, если есть уверенность, что никакой реальной передачи Киевских приходов не было? Последующие шаги Константинополя тоже вызывают вопросы. По заявлению иерархов Вселенского Патриархата [9], Константинопольская церковь это Церковь-Мать украинских приходов и

может, не нарушая канонов, предоставлять части своей территории статус автокефалии. Если следовать этой логике, то и другие поместные церкви могут давать самостоятельность своим приходам. Но на практике оказывается, что это совсем не так. Вселенская Патриархия не признала ни одну автокефалию, дарованную РПЦ своим приходам. Так, например, обстоит дело в ситуации с чехословацкими и американскими приходами, которым Русская Православная церковь предоставила автокефалию. Первую Константинополь признал только тогда, когда сам даровал ей томос, вторую до сих пор так и не признал. Это обстоятельство только подтверждает, что Константинополь в своей деятельности руководствуется принципом политической целесообразности и признает себя единственным субъектом права «дарования» томоса об автокефалии.

В ситуации с предоставлением автокефалии Православной Церкви в Америке и Православной Церкви Украины есть много общего. Во-первых, и в одном, и в другом случае наблюдается жесткое противостояние интересов Москвы и Константинополя. Во-вторых, наличествует раскол среди приходов, поскольку они находятся под разной юрисдикцией, либо часть из них имеет статус непризнанных. В-третьих, Константинополь, апеллируя к своему статусу «первенства чести», выдвигает претензии на роль объединителя приходов, дабы «уваживать раскол». Ситуации отличаются только тем, что в Америке Константинополь не успел стать «объединителем», а на Украине взял реванш. Конечно, успех был не полным, поскольку большая часть украинских приходов осталась под юрисдикцией Московского патриархата, а часть поместных церквей не признали автокефалию УПЦ. Тем не менее определенных успехов Константинопольский патриархат достиг и во многом «переиграл» Москву, которая, похоже, не ожидала, что в украинском вопросе Константинополь пойдет до конца.

Нет никаких сомнений в том, что конфликт между поместными церквями разворачивается по большей части в политической плоскости, и борьба идет в конечном итоге не только за сохранение влияния на Украине и лидерство в православном мире, но и за сохранение своей значимости в мировой политике. Проигрывая РПЦ по ряду показателей (и в первую очередь по численности верующих), Константинополь пытается взять реванш путем закрепления за собой статуса «управленческого центра» во ВПЦ. Не находя понимания среди части поместных церквей, Варфоломей активно сотрудничает со светскими властями тех государств, которым нужна «собственная» церковь. И здесь интересы Вселенского Патриарха и светских властей пересекаются. Первый получает возможность легального осуществления своих властных амбиций, вторые решают свои внутривластные и геополитические задачи посредством использования религиозного фактора.

История показывает, что провозглашение автокефалии – это всегда дело не только церковное, но и политическое. И украинские события только еще одно тому подтверждение. Обращение к тексту томоса об автокефалии ПЦУ [11] позволяет нам сделать вывод о том, что политика «лежит» в основе этого документа. Практически с первых строк сказано о том, что поскольку «земля Украины укрепленна и возвеличена высшим промыслом и получила свою полную политическую независимость, государственные и церковные руководители которой уже почти тридцать лет горячо просят ее церковного само-

управления...», постольку КП провозглашает «чтобы вся Православная Церковь, что находится в пределах политически сформированного и полностью независимого государства Украины... существовала отныне канонически автокефальной, независимой и самоуправляемой...». Текст этого документа противоречит тому, о чем говорил в своем выступлении Варфоломей на Совещании предстоятелей Православных церквей в 2008 г. На совещании Вселенский Патриарх сожалеет о том, что основой автокефалии становится государство, а в тексте томоса по сути «утверждает», что интересы национального государства являются достаточным основанием для провозглашения автокефалии. Несомненно, что принятие данного документа серьезно повлияло на усугубление разрыва и ослабление связей между Украиной и Россией не только в сфере церковной, но и сфере межгосударственных взаимодействий.

Активность Вселенского Патриарха, направленная на реализацию идеи «одно государство – одна церковь», не ограничивается Украиной. По такому же сценарию развиваются события в Северной Македонии, что вполне может привести к легализации непризнанной Македонской Православной церкви. Подчеркнем, что важным действующим лицом в вышеуказанном сценарии являются светские власти, которые и становятся инициаторами борьбы за получение томоса. Так было на Украине, где действующий на тот момент президент П. Порошенко активно вел переговоры с Константинополем, так происходит и в Северной Македонии. Переговоры Варфоломея с премьер-министром Северной Македонии по вопросу признания Македонской Православной церкви уже состоялись [12], что подтверждает серьезные намерения Вселенского Патриарха по закреплению за собой статуса верховного главы ВПЦ. Не исключено, что вслед за историей с томосом, произошедшей в Украине, последует «парад суверенитетов» тех церквей, которые на настоящий момент являются самопровозглашенными и никем не признанными в православном мире.

По сути дела, мы становимся свидетелями определенного рода трансформаций, происходящих в сфере религиозно-политических взаимодействий. С одной стороны, «религия вмешивается во внешнюю политику» [13. С. 199], с другой – политика все чаще «достигает своих целей при помощи использования религии» [14]. Нельзя сказать, что вышеназванные процессы стали актуальными только сегодня, но новым, обращающим на себя внимание фактором становится их интенсивность. По словам А. Малашенко, позиции религии настолько усиливаются, что можно уже говорить не столько о ее возрождении, сколько об «экспансии» [13. С. 207]. Однако социальные науки, «десятилетиями твердившие о неминуемости секуляризации» [15], не сразу заметили эти трансформации, поскольку доминировало представление о несостоятельности религии в качестве актора мировой политики. Сегодня перед ними стоят задачи определения новых рамок рассмотрения соотношения религии и политики [16. С. 85], осмысления сути современных религиозно-политических взаимодействий и их последствий. Инициированная Вселенским Патриархом перекройка границ православного мира может стать триггером новых мировых политических процессов, среди которых два представляются наиболее значимыми. Во-первых, изменения во ВПЦ способны «потянуть за собой и более масштабные события, вовлекающие другие кон-

фессии и религии» [17]. Во-вторых, перекройка границ православного мира, сопровождающаяся появлением новых церковных структур, которые частично признаны, усложняет и так непростые взаимодействия как на уровне религиозно-политических отношений внутри национальных государств, так и на уровне светского взаимодействия между национальными государствами, на территории которых эти структуры осуществляют свою деятельность. Между тем следует признать, что данные процессы уже запущены, а украинские события, связанные с дарованием томоса для ПЦУ, будут иметь далеко идущие политические последствия.

Очевидно, что в настоящий момент наличная модель устройства ВПЦ не может быть изменена кардинальным образом, поскольку сторонники идеи отказа от автокефалии поместных церквей и выстраивания церкви по типу католической не найдут значительной поддержки и понимания среди большей части православных. А это значит, что сохранятся и еще более актуализируются проблемы, порождаемые данным типом модели и, в первую очередь, проблема верховной власти.

Таким образом, споры о должной модели Вселенской Православной Церкви являются отражением проблемы верховной власти в мировом православии, от решения которой будет зависеть не только само существование вселенского православия в ныне существующем формате, но и дальнейшее развитие политических событий в тех государствах, которые напрямую связаны с деятельностью поместных православных церквей. Несомненно, главными «возмутителями» спокойствия во ВПЦ в настоящий момент являются Константинопольская и Русская Православные церкви, которые имеют разные точки зрения по вопросу верховной власти во ВПЦ. Компромисса между теми моделями устройства ВПЦ, которые они признают канонически правильными, быть не может. Поэтому необходима выработка такой модели, которая бы устроила всех, в противном случае вопрос распада ВПЦ остается лишь делом времени.

Литература

1. *Позиция Московского патриархата по вопросу о первенстве во Вселенской Церкви* // Русская Православная церковь: официальный сайт Московского патриархата. Электрон. дан. М., 2013. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/3481089.html> (дата обращения: 22.02.2020).
2. *Милаш Н.* Правила Святых Апостолов и Вселенских соборов с толкованиями // *Азбука веры*: сайт. Электрон. дан. [Б.м.], 2005–2020. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Nikodim_Milash/pravila-svjatyh-apostolov-i-vselenskih-soborov-s-tolkovanijami/149 (дата обращения: 10.02.2020).
3. *Очередная попытка Константинопольского-Вселенского Патриарха навязать новую модель устройства Православной Церкви* // Православный апологет: сайт. Электрон. дан. [Б.м.], 2007–2018. URL: <https://bit.ly/2waTIrj> (дата обращения: 11.02.2020).
4. *Шишков А.* Церковная автокефалия через призму теории суверенитета Карла Шмитта // *Государство, религия, Церковь в России и за рубежом*. 2014. № 3 (32). С. 197–224.
5. *Выступление Патриарха Константинопольского Варфоломея I на Совещании представителей Православных Церквей (Фанар, 10 октября 2008)* // Портал-Credo.Ru. Электрон. дан. [Б.м.], 2002–2020. URL: <https://credo.press/97233/> (дата обращения: 13.02.2020).
6. *Шишков А.* Спорные экклезиологические вопросы повестки Всеправославного собора и проблема верховной власти в Православной церкви // *Государство, религия, Церковь в России и за рубежом*. 2016. № 1 (34). С. 210–254.
7. *Новиков А.* И вновь о восточном папизме // Правмир: портал. Электрон. дан. [Б.м.], 2003–2020. URL: <https://www.pravmir.ru/i-vnov-o-vostochnom-papizme/> (дата обращения: 10.08.2020).

8. *Ченцова В.Г.* Синодальное решение 1686 г. о Киевской митрополии // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2017. № 2 (68). С. 89–110.
9. *Архиепископ Тельмисский Иов (Геча):* Украина всегда была канонической территорией Вселенского Патриархата (интервью) // Портал-Credo.Ru. Электрон. дан. [Б.м.], 2002–2020. URL: <https://credo.press/219822/> (дата обращения: 26.03.2020).
10. *Вселенский Патриархат.* Объявление // Православие.Ru: портал. Электрон. дан. [Б.м.], 2018. URL: <https://pravoslavie.ru/116403.html> (дата обращения: 16.04.2020).
11. *Патриарший* и синодальный Томос дарования автокефального церковного устройства Православной Церкви в Украине [Электронный ресурс] // LifeГид: сайт. Электрон. дан. [Б.м.], 2016–2020. URL: <https://lifegid.media/special-projects/tomos-polnyj-tekst-ob-avtokefalii.html> (дата обращения: 09.11.2020).
12. *Константинопольский Патриарх Варфоломей* взялся за «исцеление» македонского раскола // Русская линия: портал. Электрон. дан. [Б.м.], 1998–2017. URL: <https://rusk.ru/news-data.php?idar=86756> (дата обращения: 11.08.2020).
13. *Малашенко А.* «Религиозная экспансия» и внешняя политика // 20 лет без Берлинской стены: прорыв к свободе. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2011. С. 199–208.
14. *Сенюшкин Е.А.* Внутриправославные противоречия на Украине: через инструментализацию религии – к геополитизации конфликта [Электронный ресурс] // КиберЛенинка. Электрон. дан. [Б.м.], 2019. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vnutrippravoslavnye-protivorechiya-na-ukraine-cherez-instrumentalizatsiyu-religii-k-geopolitizatsii-konflikta> (дата обращения: 24.09.2020).
15. *Узланер Д.* Религия и политика: неразрывный симбиоз? [Электронный ресурс] // Россия в глобальной политике. Электрон. дан. [Б.м.], 2002–2020. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/religiya-i-politika-nerazryvnyj-simbioz/> (дата обращения: 06.10.2020).
16. *Мчедлова М.М.* Религиозные смыслы современной политики: потребность в новой эпистемологии // Вестник Московского университета. Сер. 18: Социология и политология. 2013. № 1. С. 83–90.
17. *Лукьянов Ф.* Церковь на историческом распутье // Россия в глобальной политике. Электрон. дан. [Б.м.], 2002–2020. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/czerkov-na-istoricheskompaspute/> (дата обращения: 06.10.2020).

Elena G. Avanesova, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation).

E-mail: avanesovafsf@yandex.ru

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. 2021. 59. pp. 189–198.

DOI: 10.17223/1998863X/59/18

DISPUTES ABOUT THE DUE MODEL OF THE EASTERN ORTHODOX CHURCH AS A REFLECTION OF THE PROBLEM OF SUPREME POWER IN WORLD ORTHODOXY

Keywords: religion and politics; supreme power; Patriarchate of Constantinople; Moscow Patriarchate; autocephaly; models of structure and functioning of Eastern Orthodox Church.

The article examines the problem of supreme power in the Eastern Orthodox Church. This problem is not new, but it is becoming more and more pressing in the light of the recent events that took place in Ukraine and are related to the granting of a tomos to the Orthodox Church of Ukraine by Patriarch Bartholomew of Constantinople. The Russian Orthodox Church regarded the actions of the Ecumenical Patriarch as an invasion of someone else's canonical territory, which led to a conflict in which other local churches are gradually being involved. The roots of this confrontation are in the mismatch of ideas about the due model of structure of the Eastern Orthodox Church. Today, there are two such models, and the fundamental difference between them lies in the different vision of the subject exercising power on a pan-Orthodox scale. The model of “sovereign autocephaly” is based on the idea of the equality of all autocephalous churches, each of which has full authority within its canonical territory. The other model, which can be called the model of “autocephaly with limited sovereignty”, is based on the idea of the coordinating and governing role of Constantinople within the Eastern Orthodox Church. At first glance, the reasons for the conflict between Orthodox churches are of a religious nature and relate exclusively to issues of church law. Meanwhile, there is no doubt that the above-mentioned conflict has not only a religious but also a political dimension. Ultimately, the struggle goes on not only to maintain influence in Ukraine and leadership in the Orthodox world, but also to maintain own importance in world politics. The redrawing of the borders of the Orthodox

world, initiated by the Ecumenical Patriarch, has already led to serious political consequences. Bartholomew actively cooperates with the secular authorities of those states that need their “own” church. This cooperation turns out to be mutually beneficial: the former legally realizes his power ambitions, the latter solve their domestic political and geopolitical tasks by using the religious factor. Disputes about the due model of the Eastern Orthodox Church are a reflection of the problem of supreme power in world Orthodoxy, on the solution of which will depend not only the very existence of Eastern Orthodoxy in the current format, but also the further development of political events in those states that are directly related to the activities of local Orthodox Churches.

References

1. Russian Orthodox Church. (2013) *Pozitsiya Moskovskogo Patriarkhata po voprosu o pervenstve vo Vselenskoj Tserkvi* [The position of the Moscow Patriarchate on the issue of primacy in the Ecumenical Church]. [Online] Available from: <http://www.patriarchia.ru/db/text/3481089.html> (Accessed: 22nd February 2020).

2. Milash, N. (n.d.) *Pravila Svyatykh Apostolov i Vselenskikh soborov s tolkovaniyami* [Rules of the Holy Apostles and Ecumenical Councils with interpretations]. [Online] Available from: https://azbyka.ru/otechnik/Nikodim_Milash/pravila-svjatyh-apostolov-i-vselenskih-soborov-s-tolkovanijami/149 (Accessed: 10th February 2020).

3. Russian Orthodox Church. (n.d.) *Ocherednaya popytka Konstantinopol'skogo-Vselenskogo Patriarkha navyazat' novuyu model' ustroystva Pravoslavnoy Tserkvi* [Another attempt of the Ecumenical Patriarch of Constantinople to impose a new model of the structure of the Orthodox Church]. [Online] Available from: <https://bit.ly/2waTlrj> (Accessed: 11th February 2020).

4. Shishkov, A. (2014) Church Autocephaly Through the Lens of Carl Schmitt's Theory of Sovereignty. *Gosudarstvo, religiya, Tserkov' v Rossii i za rubezhom – State, Religion and Church in Russia and Worldwide*. 3(32). pp. 197–209

14. Senyushkin, E.A. (2019) *Vnutripravoslavnye protivorechiya na Ukraine: cherez instrumentalizatsiyu religii – k geopolitizatsii konflikta* [Intra-Orthodox contradictions in Ukraine: through the instrumentalization of religion – to the geopolitization of the conflict]. [Online] Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/vnutripravoslavnye-protivorechiya-na-ukraine-cherez-instrumentalizatsiyu-religii-k-geopolitizatsii-konflikta> (Accessed: 24th September 2020).

15. Uzlaner, D. (n.d.) *Religiya i politika: nerazryvnyy simbioz?* [Religion and politics: inseparable symbiosis?]. [Online] Available from: <https://globalaffairs.ru/artic-les/religiya-i-politika-nerazryvnyj-simbioz/> (Accessed: 6th October 2020).

16. Mchedlova, M.M. (2013) *Religioznye smysly sovremennoy politiki: potrebnost' v novoy epistemologii* [Religious meanings of modern politics: the need for a new epistemology]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 18: Sotsiologiya i politologiya – Moscow State University Bulletin. Series 18. Sociology and Political Science*. 1. pp. 83–90.

17. Lukyanov, F. (n.d.) *Tserkov' na istoricheskom rasput'e* [Church at a historical crossroads]. [Online] Available from: <https://globalaffairs.ru/articles/czerkov-na-istoricheskom-raspute/> (Accessed: 6th October 2020).